

УДК 340.130.2

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ НОРМЫ ПРАВА И ЕЕ СТРУКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

*А.И. Иллалутдинов, аспирант Института экономики,
управления и права, специалист отдела анализа и обобщения
судебной практики Арбитражного суда Республики Татарстан*

В условиях интенсивно развивающегося российского законодательства актуальным представляется вопрос о правильном и единообразном применении норм права в деятельности государственных правоприменителей, в частности судей. Неточно употребленное слово в норме права влечет непонимание ее смысла и неопределенность в толковании и, как следствие, проявление субъективных подходов при решении того или иного спора. Широкие возможности для субъективного судебного усмотрения порой приводят к принятию различных судебных актов по схожим делам, что нарушает единство выработанной судебной практики либо не способствует ее формированию. Напротив, наличие по рассматриваемому судебному делу определенной практики применения норм, регулирующих спорные отношения, во многом предопределяет позицию судьи при вынесении аналогичного судебного акта¹, так как принятие решения, противоречащего единству судебной практики, в большинстве случаев влечет его отмену в вышестоящей инстанции². В этой связи можно с уверенностью сказать, что каждый судья в своей профессиональной деятельности стремится придерживаться выработанной в судебной практике позиции по тому или иному вопросу, в частности вышестоящими судебными инстанциями, дабы минимизировать количество судебных отмен.

Единство судебной практики формируется только на основе норм права высокого качественного уровня. В этой связи представляется верным тезис о том, что существование в системе права дефектных законов негативно сказывается на судопроизводстве. Например, поскольку нормы некачественных законов требуют более глубокого и вдумчивого толкования, постольку увеличиваются сроки рассмотрения дел, а это, в свою очередь, занимает большее время у правоприменителя; наблюдается рост субъективизма в судебной деятельности. А.А. Иванов отмечает, что при толковании противоречивых законов недобросовестные судьи могут выходить за рамки действительного содержания той или иной нормы и использовать это в своих личных, порой «нечистоплотных», целях. Но даже если таких целей нет, результат также может быть отрицательным, так как излишняя свобода толкования порождает разнообразие в судебной практике³, что является одной из причин увеличения количества рассматриваемых дел в судах первой, апелляционной и кассационной инстанции, и соответственно требует больших затрат со стороны государства. Следовательно, единство судебной практики во многом предопределяется качеством норм права, однако этим не ограничивается.

Как нам представляется, под судебной практикой можно понимать совокупность судебных актов, судебную

деятельность в целом, наличие выработанной вышестоящей судебной инстанцией правовой позиции по конкретному вопросу. Следовательно, единство судебной практики может определяться как: 1) единство судебной деятельности, то есть тех принципов, методов, способов, средств, на основе которых она осуществляется; 2) существование единых правовых позиций разных судов по конкретным правовым вопросам; 3) единое (всеми нижестоящими судами) соблюдение и применение выработанной высшей судебной инстанцией правовой позиции.

В юридической литературе понятие «единство судебной практики» получило самые разнообразные трактовки, но, как нам представляется, по данному вопросу следует придерживаться позиции Президиума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой единство судебной практики представляет собой правильное и единообразное применение судами на всей территории Российской Федерации федерального законодательства при рассмотрении и разрешении судебных дел⁴. Следовательно, единство судебной практики складывается из правильного и единообразного применения норм. При этом, по нашему мнению, правильность в данном случае означает применение нормы права в соответствии с буквой и духом (целями, принципами и ценностями) нормативного правового акта, в котором она выражена. Под единообразием, как представляется, следует понимать такую ситуацию, когда конкретная норма права при аналогичных, сходных, одинаковых обстоятельствах применяется единым образом, то есть влечет одинаковые правовые последствия для субъектов права. Основой единого применения норм права выступает, во-первых, схожее понимание категории нормы права и содержания конкретных норм права, во-вторых, качественное конструирование и выражение структуры нормы права в нормативно-правовых предписаниях со стороны законодателя, в-третьих, системное видение

элементов нормы права и связей между ними в нормативно-правовых предписаниях. В связи с вышесказанным хотелось бы остановиться именно на рассмотрении современного понимания нормы права в юридической науке, которое по своему методологическому значению оказывает существенное влияние на формирование единства судебной практики в Российской Федерации.

Полагаем, что в современных условиях правильное применение конкретной нормы права во многом предопределяется ее пониманием как системно-структурной категории, что позволяет выделить три аспекта анализируемого понятия: 1) сущностный, раскрывающий природу нормы права, 2) структуралистский, в рамках которого норма права определяется через призму системы или совокупности элементов и связей ее составляющих, 3) описательный, направленный на выявление основных юридически значимых признаков нормы права.

В теории государства и права при определении сущности нормы права как формального, государственно-властного регулятора общественных отношений сложилось несколько подходов.

Во-первых, рядом авторов сущность нормы права раскрывается через категорию «нормативно-правовое суждение». Так, еще в советские годы В.К. Бабаев высказал мысль, что нормы права по своему строению включают помимо побудительных предложений также описательные высказывания, отнесение которых к суждениям не вызывает сомнения. К тому же далеко не все нормы устанавливают (предписывают) определенный образ действия⁵. С этой точки зрения любую норму права можно считать суждением и любая правовая норма обладает признаками суждения⁶. При такой позиции в качестве основания суждения рассматривается гипотеза, а его следствия — диспозиция и санкция, однако структурность как особый признак правовой нормы не выделяется.

Несколько иного взгляда в рамках данного подхода придерживается Г.Т. Чернобель, согласно которому логическую структуру правовой нормы составляют: адресат (субъект правового общения), мера (форма) поведения и соответствующий побудительный оператор⁷. При таком видении, несмотря на отсутствие гипотезы и санкции, правовая норма не превращается в бесструктурное образование, а предстает в виде «законченной, цельной, логической мысли, самостоятельной логико-семантической единицы нормативной системы права»⁸.

Во-вторых, в юридической литературе норма права определяется как правовое установление, сформулированное в виде, допускающем его самостоятельное применение для регулирования тех или иных типических ситуаций. С точки зрения Б.И. Пугинского, «в праве вообще не удастся отыскать нормы, построенные по модели «если-то-иначе»⁹. Если считать, что один из элементов правовой нормы находится в одной статье нормативного акта, а остальные элементы — в иных статьях, то норма перестает быть цельным, целостным объектом, утрачивается совокупность устойчивых связей правовой нормы, то есть такой признак нормы права, как системность. Исходя из этих рассуждений автор приходит к выводу, что нормой права следует называть именно статью, параграф, пункт, иную часть нормативного акта, выражающую некоторое правило в его самостоятельно применимом виде¹⁰. При этом самостоятельность означает грамматическую и логическую завершенность правового установления.

Автор отмечает, что в каждой единичной норме нет гипотезы, диспозиции и санкции. То, что приписывается отдельной норме права в качестве ее структуры, на самом деле является характеристикой и требованием к организационному построению отраслей права. Таким образом, «приходится признать, что к норме права неприменимы попытки установления структу-

ры, то есть совокупности однородных связей частей нормы»¹¹.

Таким образом, отсутствие структуры при рассмотрении нормы права как правового установления в значительной степени не влияет на выделение тех или иных ее признаков. Однако, как представляется, исключением в данном плане выступает сам признак самостоятельности, который в той или иной степени обуславливает структурность правового установления, поскольку его грамматическая и логическая завершенность указывает на наличие тех или иных частей правового установления, которые эту завершенность и обуславливают.

Далее, в-третьих, большинство авторов традиционно определяют норму права как правило поведения. В юридической литературе нередко можно встретить определение нормы права как общеобязательного, формально-определенного правила поведения, установленного и обеспечиваемого государством и направленного на урегулирование общественных отношений¹². Схожая позиция нашла свое отражение в утратившем силу Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 5¹³, в котором правовые нормы были определены как правила поведения, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом.

На наш взгляд, правило поведения составляет содержание нормы права, но оно не фиксирует всего его богатства. В данном случае следует согласиться с мнением Ф.Н. Фаткуллина и Ф.Ф. Фаткуллина, согласно которому термин «правило поведения» охватывает только те правила, которые устанавливаются в диспозиции нормы, и своеобразные «масштабы», намечаемые в ее санкции, но совершенно не отражает иных элементов нормы права¹⁴. Таким образом, при определении нормы права

как правила поведения нарушаются не только логические требования к понятиям, которые предполагают, чтобы в них охватывались существенные черты всех структурных частей определяемого, но и важнейший принцип философии о нетождественности целого и части. Следовательно, в строго научном смысле норма права не является правилом поведения. Правило поведения составляет ядро нормы, но этим она не ограничивается.

Наконец, рядом ученых норма права рассматривается в широком смысле как властное веление. Именно данная позиция, на наш взгляд, заслуживает пристального к себе внимания, поскольку в большей степени способна отразить управленческую, государственно-властную, регулятивную природу нормы права. Полагаем, что приемлемость такой позиции обуславливается следующими обстоятельствами.

Во-первых, веление как таковое представляет то же, что приказание, то есть официальное распоряжение того, кто облечен властью¹⁵. Причем под властью следует понимать не государственную власть, а власть вообще, то есть отношение подчинения одного лица другому в силу особых обстоятельств. Следовательно, веления, так или иначе, обладают властным характером.

Во-вторых, разновидностью велений выступают государственно-властные веления, которые устанавливаются или санкционируются государством в лице своих органов и/или должностных лиц. Государственно-властное веление, получающее логически завершенное, формально определенное закрепление в официальном тексте, выступает в качестве правового предписания. Однако норма права находит свое воплощение не во всех правовых предписаниях, а только в тех, которые обладают общеобязательным характером, то есть нормативно-правовых предписаниях. Отсюда возникает вопрос — являются ли понятия «норма права» и «нормативно-правовое предписание» синонимичными по отношению друг к другу?

По нашему мнению, при ответе на него следует исходить из того, что нормативно-правовое предписание — это единственная форма выражения для норм права, однако в виде нормативно-правовых предписаний находят свое воплощение и иные правовые установления. Для последних нормативно-правовое предписание также выступает формой выражения, но не единственной, как для норм права. Следовательно, понятия «норма права» и «нормативно-правовое предписание» соотносятся как содержание и его форма, в ином ракурсе — целое и часть, и не могут существовать друг без друга в силу их единства. В то же время представляется не совсем верным отождествление нормы права (содержания) и правового предписания (формы), как это сделано, например, в Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД¹⁶, согласно которому норма права определяется как общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение. В данном случае форма является составной частью целого и поэтому согласно законам логики не может определяться через него.

Таким образом, норма права по своей природе представляет государственно-властное веление, которое объективируется в виде нормативно-правовых предписаний, но нормативно-правовые предписания не ограничиваются выражением только норм права, они в полной мере способны воплощать и иные правовые установления в праве. Из этого следует, что нормативно-правовое предписание является формой выражения правовых норм в системе нормативно-правовых актов, выступая при этом минимальной смысловой частью их текста¹⁷.

Переходя к описанию структурлистского аспекта понимания нормы права, отметим, что современные теоретические знания о структуре нормы права позволяют нам говорить о пере-

смотре ее трехэлементной модели, ведь структура нормы права определяется не только взаимосвязью входящих в нее составных частей, но и характером тех общественных отношений, которые ей приходится регулировать. В зависимости от этих общественных отношений структура нормы права приобретает самое различное выражение.

Мы считаем, что норма права характеризуется более сложной структурой, нежели она видится некоторым авторам. В настоящее время представляется, что норма права является целостной двухуровневой системой, состоящей из базовых (гипотеза, диспозиция, санкция) и связующих элементов (первый уровень). В свою очередь структурные элементы как составные части нормы права включают различные структурные формирования (частицы нормы права), среди которых можно выделить правила поведения, указания, меры воздействия – наказание и поощрение (второй уровень). Так, гипотеза может включать как указания на те жизненные ситуации (обстоятельства), при которых приходят в рабочее состояние изложенные в норме права правила поведения, начинающие реализовываться в каждом конкретном случае (указание на субъектный состав, объект воздействия, время, место и т.д.), так и правила поведения. Например, в п. 2 ст. 592 Гражданского Кодекса РФ¹⁸, касающейся права плательщика постоянной ренты отказаться от дальнейшей выплаты ренты путем ее выкупа, указано, что: «Такой отказ действителен при условии, что он заявлен плательщиком ренты в письменной форме не позднее чем за три месяца до прекращения выплаты ренты или за более длительный срок, предусмотренный договором постоянной ренты». В гипотезе данной нормы мы можем наблюдать как указание на срок, причем альтернативный, так и один из вариантов поведения плательщика в данной ситуации – заявление отказа плательщиком ренты. Диспозиция как расположение моментов действия (бездей-

ствия) индивида в хронологической и логической их последовательности, безусловно, включает правила поведения. При этом можно выделять как монодиспозиции, состоящие из одного правила поведения (например, ст. 463 Гражданского кодекса РФ – «если продавец отказывается передать покупателю проданный товар, покупатель вправе отказаться от исполнения договора купли – продажи»), так и полидиспозиции, состоящие из двух и более правил поведения (например, п. 1 ст. 466 Гражданского кодекса РФ – «... либо потребовать передать недостающее количество товара, либо отказаться от переданного товара и от его оплаты, а если товар оплачен, потребовать возврата уплаченной денежной суммы»). Такой элемент, как санкция, может состоять из собственно санкций, поощрений, а также правил поведения. Особенностью правил поведения, содержащихся в санкциях норм права, является то, что эти правила применяются лишь при нарушении правил поведения или образцовом соблюдении и выполнении некоторых правил поведения, содержащихся в гипотезе и/или диспозиции нормы права, поэтому мы можем говорить о своеобразной вторичности первых по отношению к последним. К связующим элементам нормы права можно отнести цель и указание на другой элемент нормы.

Структура нормы права складывается не только из составляющих ее элементов, но и существующих между ними связей. В этом плане исследование именно связей в структуре нормы права выступает насущной необходимостью в теории государства и права. Отметим, что норму права составляют самые разнообразные связи: диалектические, логические, целевые, дифференцированные, посредственные, непосредственные, латентные, элементные, внутриэлементные и т.д. Все они направлены на существование и эффективное действие такой сложной правовой материи, как норма права, обеспечение единства ее элементов и

их согласованности при регулировании общественных отношений.

Таким образом, норма права представляет собой сложную систему, понимание закономерных процессов которой обуславливает правильное применение составляющих ее элементов.

Как любой системе, норме права присущи определенные свойства (признаки), позволяющие отличать ее от иных установлений в праве. В юридической литературе, как правило, среди признаков нормы права выделяются: всеобщность, общеобязательность, формальная определенность, системность, связь с государством, способность регулировать общественные отношения, устанавливаемость или санкционированность компетентными органами государства, представительско-обязывающий характер, многократность применения и длительность действия, иерархичность, неперсонафицированность, охрана государством, обеспеченность принудительной силой государства и сознательностью членов общества¹⁹.

По нашему мнению, норма права в первую очередь характеризуется общеобязательностью, формальной определенностью, юридической обеспеченностью, неперсонафицированностью, а также многократностью применения. Не умаляя значения остальных признаков, следует признать, что для юридической практики они имеют факультативный характер.

Полагаем, что указанный выше подход к определению нормы права в полной мере раскрывает ее правовую природу

как системно-структурного образования в праве. В этой связи не вызывает сомнений тот факт, что неопределенность нормы права как в содержании, так и в структуре допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению принципов равенства и верховенства закона²⁰, а также единства судебной практики.

В современных условиях понимание категории «норма права» оказывает существенное влияние на формирование единства судебной практики. В первую очередь это влияние проявляется в процессе формирования правовой позиции по конкретному делу, находящей свое воплощение в судебном акте. Как мы знаем, правовые позиции не могут существовать вне нормы права, и именно поэтому системное видение всех составляющих нормы права элементов во многом способствует ее правильному уяснению и применению.

В заключение отметим, что судебная практика определяет русло, т.е. наиболее приемлемый вариант понимания содержания конкретных норм, регулирующих те или иные общественные отношения. Отхождение от общих стандартов возможно только в случае изменения российского законодательства либо выработки правовой позиции, более мотивированной, обоснованной и справедливой по сравнению с имеющейся. Современное представление о норме права позволяет такие позиции формулировать и тем самым правомерно совершенствовать судебную практику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Добрачев Д.В.* Роль судебной практики в современном арбитражном процессе // Адвокат. — 2003. — № 9. — С.18.

² См.: Интернет-конференция Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Иванова А.А. «Итоги работы Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и перспективы развития арбитражного правосудия на ближайшее время» // <http://www.garant.ru/action/conference/10084/>

³ См.: *Иванов А.А.* Качество законов и деятельность арбитражных судов // Журнал российского права. — 2005. — № 4. — С.4-5.

⁴ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2005 г. № 25пв04 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2005. — № 9.

⁵ См.: *Бабаев В.К.* Норма права как истинное суждение // Правоведение. – 1976. – № 2. – С.31.

⁶ Там же ... – С.34.

⁷ См.: *Чернобель Г.Т.* Структура норм права и механизм их действия (логические аспекты) // Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 42.

⁸ Там же. – С. 42.

⁹ *Пугинский Б.И.* О норме права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1999. – № 5. – С. 24.

¹⁰ Там же. – С. 25.

¹¹ Там же. – С. 26.

¹² См.: *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Финансовый контроль, 2004. – С. 187-188.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону» (утратило силу 20.01.2003) // СПС «Гарант», версия проф. по состоянию на 05.01.2010.

¹⁴ См.: *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права: Учебное пособие. – Казань: КЮИ МВД РФ, 2003. – С.221.

¹⁵ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 63, 512.

¹⁶ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» // СПС «Гарант», версия проф. по состоянию на 05.01.2010.

¹⁷ См.: *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – С. 7.

¹⁸ Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть вторая / Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 17.07.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст.410; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3582.

¹⁹ См.: *Рянов Ф.М.* Проблемы теории государства и права: Учебный курс. – М.: Право и государство, 2003. – С. 258; Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – С. 280; Обсуждение проблемы о понятии правовой нормы // Советское государство и право. – 1961. – № 4. – С.114 и т.д.

²⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 1.

Аннотация

В статье рассматривается современная трактовка категории «норма права», а также такого ее признака, как структурность, применительно к реализации принципа единства законности в судебной деятельности. Анализируются подходы к пониманию нормы права, ее структуры, определяются факторы, влияющие на обеспечение единства судебной практики.

Ключевые слова: норма права, структура нормы права, единство судебной практики, правоприменение, правовая позиция.

Summary

The article considers the modern interpretation of the notion «rule of law» and such feature as its structure in the context of the realization of the principle of the unity of legality in legal work. The approaches of the perception of the notion «rule of law» and its structure are analyzed and the factors, which have a great influence on the ensuring of the unity of legal practice, are distinguished.